

Джеральд А. Пресс

Альтернативный Платон

GERALD A. PRESS

AN ALTERNATIVE PLATO (TR. A. GARADJA)

ABSTRACT. Research over the past 50 years has undermined or done away with dogmatic and systematic Platonism assumed in the mainstream tradition in Plato interpretation from antiquity to the mid-20th century, along with a good deal of supporting assumptions and interpretive strategies. In place of the old consensus, an alternative Plato has been emerging; one whose writings are literary and dramatic *as well as* logical and argumentative, who communicates indirectly rather than directly and for whom all conclusions remain open-ended. He communicates ironically, through argument *and* story, through seriousness *and* play. He teaches as a guide rather than an authority, deploys imaginative and emotional *as well as* rational strategies, attempts to gain our internal adherence rather than propositional assent, to some principles and values rather than to particular doctrines of metaphysics, epistemology, ethics, or politics. He offers a kind of philosophic knowledge that ought to be understood as a vision rather than as a set of specific definitions and doctrines.

KEYWORDS: Plato interpretation, indirect communication, dialogue, drama, irony, fiction, literary devices, provocation.

I. Господствующая традиция в интерпретации Платона

В середине 20-го века господствующей в интерпретации Платона была традиция доктринальная и систематическая: под этим

© Gerald A. Press (New York). gpress@hunter.cuny.edu. Hunter College of The City University of New York.

© А.В. Гараджа (Москва). agaradja@yandex.ru. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный университет.

я подразумеваю, что толкователи искали и предполагали в диалогах философские доктрины или учения Платона по тем или иным традиционным темам, и считали, что учения эти в совокупности складываются в более или менее связную философскую систему, именуемую «платонизмом». Предполагалось, что Платон писал в рамках той же особой, чётко определённой интеллектуальной парадигмы под названием «философия», в который мы действуем и сегодня, а Сократ и другие ведущие собеседники служат лишь рупором воззрений и доводов самого Платона. И потому воззрения эти можно спокойно вырвать из диалога, сопоставить с доводами и различимыми учениями, представленными в других диалогах и у других философов, и рассмотреть на предмет их истинности, обоснованности, состоятельности и происхождения. В таком понимании Платон, точно как Аристотель, оказывается и преподносится авторитетом, который пишет с целью преподать читателям некие истины, в которых сам он уверен, наряду с подкрепляющими эти истины доводами.

Очевидные несоответствия и противоречия между учениями, по-видимому излагаемыми в разных диалогах (например, о частях души, природе идей, методе достижения знания, как и различие между очевидно апоретическими и очевидно дидактическими диалогами) разрешались либо «унитаристской» гипотезой, объявлявшей, что всё это лишь поверхностные и кажущиеся различия, прикрывающие фундамент незыблемого платоновского учения, либо гипотезой «эволюционной», согласно которой платоновские учения со временем менялись и эти изменения возможно отследить, если изучать диалоги в порядке их написания, по принципу «платоновской хронологии» (Tigerstedt 1977).

Одновременно предполагалось, что для философских целей можно отделить и исключить литературные и драматические элементы как простую «форму», облекающую логико-догматическое «содержание», которым только и должна по идее заниматься философия. Якобы можно игнорировать и явное мастерское использование Платоном языка и драматургии, и ключевой диало-

гизм диалектических прений, их полифонию и интертекстуальность. Короче говоря, литературные и драматические черты диалогов совершенно не воспринимались как нечто существенное для их философского толкования.

Этот доктринальный взгляд восходит ещё к первому поколению после Платона и обнаруживается в аристотелевских комментариях, как и в доксографической традиции. Со времён античности спорадически проявлялась и другая, альтернативная и скептическая версия Платона, например в «новой Академии» — возможно, поддержанная Цицероном (*Academica*) и оспоренная Августином (*Contra academicos*). Но поскольку античный скептицизм исходит из оппозиции догматизма и скепсиса, он по сути представляет собой своеобразное скрытно-догматическое прочтение Платона, просто другой полюс дуализма, определяемого такой-то догмой либо доктриной.

II. Недавние исследования

Исследования, появившиеся в 60–70-х годах прошлого века, настолько серьёзно подорвали эти традиционные допущения, что бремя доказательства своей точки зрения уже вынуждены принимать на себя те, кому по-прежнему хотелось бы воспринимать Платона в догматико-систематическом ключе и видеть в нём создателя философской системы под названием «платонизм». Работы Теслеффа, наряду с другими, по большей части покончили с идеей хронологии написания диалогов, а значит, и с эволюционистским консенсусом периода 1875–1990 гг. (Thesleff 1982, Nails 1995). Сейчас исследуются иные варианты композиции Платоновского корпуса, и учёные приходят к осознанию того, что различные его компоновки, использованные в истории платоновских исследований, служат чётко опознаваемым, но различным целям: ни одна не является попросту «истинной» или «ложной» (Poster 1998). Кроме того, исследователи усложнили картину Корпуса категориями редактирования и «полуподлинности» диалогов, а также прояснили, что (и почему) догматический и си-

стематический платонизм господствовавшей традиции является послеплатоновским артефактом, создававшимся в лоне «старой Академии» уже после смерти Платона (Tarrant 2000, Dillon 2003) и закреплённым с 3-го века н.э. в неоплатонизме, каковой вплоть до середины 18-го века отождествлялся с платонизмом (Tigerstedt 1974). А ещё стало ясно, что и сама «философия» *не* подразумевает некое известное интеллектуальное занятие, которое Платон практиковал вслед за своими предшественниками, но, скорее, представляет собой понятие, чей смысл при жизни философа являлся предметом обсуждения и в дальнейшем оформлялся отчасти как раз под влиянием его диалогов (Nightingale 1995).

Вместе с платоновской хронологией и эволюционной схемой сдаёт позиции и представление о «сократических» диалогах или философии — разновидность догматического эволюционизма, особенно популярная в англоязычных странах. Вместо новых перепевов темы «сократической философии» новейшие исследования подчёркивают непрерывность платоновского философствования и в тех диалогах, которые прежде считались ранними и сократическими, а равно «средними» и «поздними» (Rowe 2007, Zuckert 2009, Peterson 2011).

В то же время возросшее внимание к литературным и драматическим чертам диалогов подорвало допущение, будто диалогам свойственна та же простая функция или цель, как и прочим философским текстам, а именно поведать читателям правильный ответ на тот или иной вопрос, правильный способ усвоить то или иное понятие или решить какую-либо философскую головоломку. Всё больше исследователи склонны признавать литературно-драматические богатство и сложность, которые *действительно* сказываются в диалогах, и принимать эти богатство и сложность за неотъемлемые составляющие того, из чего складывается «философия» в платоновских диалогах (Pender 2000: 18–25, Petraki 2011, Boys-Stones 2013). И всё больше среди исследователей укореняется признание того, что диалог есть скорее органическое целое, чем набор аргументов, любой из которых можно безвозбран-

но вырвать из этого целого и рассмотреть отдельно. Кроме того, покончено с древним предположением, будто Сократ или другие ведущие беседу персонажи служат лишь рупором для выражения учений и доводов самого Платона (Press 2000). Всё больше исследователи Платона приходят к осознанию сложности, незавершённости и даже логической ошибочности многих сократовских возражений, высвечивая тем самым новую проблему, нуждающуюся в своём разрешении (Beverluis 2000).

Ш. Альтернативный Платон

Из всех этих работ последнего времени выстраивается новая, в большей степени трёхмерная картина исторической философии Платона и его диалогов. Принципы этого «нового платонизма» — читать диалоги с учётом контекста и как органические целостности (Press 1993: 111–117); понимать предпочтение Платоном роли проводника перед ролью наставника (Scott 2000); и усматривать в философии, ими преподносимой, что-то более визионерское (Thesleff 1999), более принципиальное, чем простую догму, видеть, как она выходит за рамки множества дуализмов, некогда затронувших историю платоновских штудий: философия против литературы, аргумент против рассказа, игровое против серьёзного, догматическое против скептического, истинное против ложного, обоснованное против обосновательного.

Диалогам разом присуща и логико-аргументативная, и литературно-драматическая природа. Совершенно непреложно (хотя об этом так легко забывается), что все они являются художественным вымыслом (Hunter 2006). Когда в них выдвигаются теории или приводятся доводы, всё это делается *внутри* рамочного вымысла, всё это предлагается персонажами, а не автором. Отсюда следует, что интерпретатор, дабы сохранять верность текстам в их целостности и сложности, не должен попросту принимать всё, что говорит Сократ (или другой ведущий персонаж), за то, что «говорит» или «думает» сам Платон (Mulhern 1971). Подобные высказывания нам нужно рассматривать в диалогическом кон-

тексте. Первым вопросом должно быть: «Почему Сократ говорит это такому-то собеседнику именно в *этой* диалогической ситуации?» Данный вопрос следует отделять от более важного, но при этом совершенно отличного внешнего вопроса: «Почему Платон *заставляет* Сократа говорить это такому-то собеседнику в этой диалогической ситуации?» Чего он хочет добиться, разыгрывая для нас всё это представление? И найти здесь какой-то простой, однозначный ответ рассчитывать не следует.

Основные компоненты этих диалогических вымыслов — язык и драматургия. Их отличает литературное богатство как в плане языковой механики (словарь, грамматика, стиль и синтаксис), так и с точки зрения обилия, разнообразия и частоты применения литературных приёмов (Pender 2000; Scott 2007) и тропов, используемых в диалогах. Аллегория, намёк, манера выражения, идиома, ирония, сопоставление, метафора, парадокс, олицетворение, сравнение, интонация, недоговоренность — все эти приёмы не просто формальны или орнаментальны, но во многих случаях по-настоящему существенны для платоновской мысли¹. Самые известные из метафор со временем зажили самостоятельной жизнью, служа основаниями западной интеллектуальной традиции, — лестница умственного восхождения, колесница души, овод, сама фигура платоновского Сократа, как и ряд его изречений. Нечто подобное случилось и с вымышленным «древним разладом между философией и поэзией» (*Respublica* X 607b5–6), и с не менее фиктивной, вновь и вновь всплывающей идеей радикального противопоставления философии и «риторики» — практики, которую сам же Платон на деле и изобрёл (Wardy 1996).

Говоря точнее, платоновские диалоги — даже наименее разработанные в драматическом плане — драматичны в том минимальном смысле, что подаются — прямо или непрямо — как живые словесные обмены между или при участии чётко обозначенных персонажей в разное время и разных местах, часто указанных весьма конкретно, что нередко используется для получения

---

¹ См. Pender 2000: 18–25 о метафоре; Dixsaut 2013 об отступлении.

эффекта иронического либо тематического резонанса. Диалог «Государство» разворачивается в доме человека, чья собственность была конфискована Тридцатью тиранами; «Евтифрон» — в портике архонта-басилевса, чей суд впоследствии осудит Сократа на смерть за нечестие; «Протагор» — в доме Каллия, известного приверженца софистов: именно некоторые из их числа в конечном счёте уговаривают Протагора не бросать спора просто потому, что ему возражают.

Но многие диалоги отличаются куда большей драматургической разработкой. Они используют и трансформируют истории, структуры и приёмы из греческих трагедии и комедии и часто представляют, как и трагедии, переработанные версии древних историй и героев². Сократ представлен (не напрямую) как новый культурный герой: новый Ахилл, Одиссей, Геракл — Философ. В диалогах содержится целый мир персонажей, практически все из которых имеют исторические прототипы (Nails 2002); их диалогические роли (предпочтения, предрассудки, артикулируемые взгляды и даже идиоматические особенности) служат для уточнения и усиления трактовки центральных идей. Как часто отмечалось, возражения Сократа адресуются скорее его собеседникам, чем неким бесплотным теориям; отсюда время от времени выражавшаяся озабоченность тем, что в конечном счёте все сократовские возражения имеют характер *ad hominem* (Kahn 1983).

Набор литературных приёмов, которые используются Платоном, обширен и где-то удивительно узнаваем — мы даже можем представить себе Платона оригинальным постмодернистским писателем: в диалогах регулярно задействуются ирония, игра, интертекстуальность, историографический метавымысел, временное искажение, ненадёжные рассказчики, автор как вымышленный персонаж, наконец уклонение от традиционного тематического завершения.

---

² О Сократе-герое см. Loraux 1985, Haden 1997. О диалогах как переработках древних мифов — Burger 1984, Gilead 1994.

Уже сама широта только что указанных литературных и драматургических компонентов, как и объём труда, очевидно затраченного Платоном на их реализацию, должна подсказать нам, что всё это — неотъемлемая часть его замысла, сто́ит лишь верно его понять. Прежде всего, нужно вслед за Кьеркегором осознать, что Платон избегает прямого сообщения, его философская коммуникация — во множестве взаимно усиливающих и усложняющих отношений — носит непрямой характер³. Она всегда осуществляется *через* голоса вымышленных персонажей, через их полифонию (Ostenfeld 2000). Далее, при целостном подходе к диалогам выясняется, наряду с серьёзностью, их игровой характер. Рядом с серьёзными и вескими пассажами мы встречаем россыпи юмора самого разного рода, включая двусмысленности (*Phaedrus* 250a–252b), грубый фарс и тонкие шутки. Например, Парменид в одноимённом диалоге оборачивается плюралистом, а Сократ в «Протагоре» (358a–359a) предводительствует «хором» софистов. А уж всевозможных каламбуров и вовсе не перечсть. Оппозиция игры и серьёзности сама в ряде случаев выступает второстепенной темой (*Gorgias* 481b), и время от времени Платон подчёркивает: то, что большинством людей считается серьёзным, на самом деле смешно, а смешные с виду интересы и убеждения Сократа на самом-то деле — серьёзней некуда. В конечном счёте диалоги воплощают в себе смыкание (либо преодоление) оппозиции игры и серьёзности, как это передано — непрямым способом — в заключительной сцене «Пира».

Ирония, сама по себе литературный троп, задействуется в диалогах широко и в нескольких измерениях сразу: ею пронизаны сократовские утверждения, которые собеседниками и современ-

---

³ Кьеркегор, внимательно изучавший фигуру платоновского Сократа, формулировал различие прямой и непрямой коммуникации. Непрямая коммуникация «предназначена для подрыва опоры читателя на авторитет автора и принятую мудрость сообщества. Читатель вынуждался взять под свою личную ответственность знание того, кем он/она является, и знание того, какую позицию он/она занимает по поднимаемым в текстах вопросам — экзистенциальным, этическим и религиозным» (McDonald 2012, § 2).

ными интерпретаторами воспринимаются как ироничные высказывания, контрастирующие с «платоническими» ирониями обстановки и персонажей. В «Хармиде», посвящённом теме воздержности, на сцену выводятся Критий и Хармид, хорошо известные своей невоздержностью исторические деятели. Евтифрона из одноимённого диалога, посвящённого благочестию, вполне можно описать как религиозного фанатика. Ирония усложняет толкование, поскольку иронические утверждения выходят за рамки простой дихотомии истинного/ложного, на которую опираются аналитические, догматические и систематические прочтения. То, что Сократ не учит и не знает добродетели, может быть как истинным, так и ложным, в зависимости от того, как читатель или слушатель понимает ключевые слова «учить» и «знать». Поэтому точный смысл подобных сократовских утверждений не может быть простым и однозначным; это верно и *внутри* их диалогического обрамления, и когда они понимаются (толкователями) как элементы целого непрямого сообщения, каковое каждый из диалогов образует (Renaud 2001). Особенно важный пример тому — это сознательное использование Платоном двойных узусов слов таким образом, чтобы создавалось впечатление, что разным читателям или аудиториям он говорит разные вещи, в частности использование расхожих — в противовес философским или истинным — значений ключевых терминов. Парадоксальное заключение «Менона» обусловлено сократовским переключением на расхожую точку зрения Менона, согласно которой ἀρετή порождает богатство и политическую власть.

Ирония служит явственно выраженной задаче платоновского Сократа — и, вероятно, подспудно и задаче самого Платона — показать личностные, общественные и политические измерения обсуждаемых идей в более широком плане в сравнении с тем, что может быть достигнуто при помощи формальных определений или словесных описаний, и побудить как собеседников по диалогам, так и их читателей пересмотреть расхожие представления, вызвав у них своего рода внутреннюю переориентацию

(Bussanich 2006). Ирония провокативна по отношению к собеседникам. Роль Сократа как интеллектуального провокатора в общем, социальном ключе обозначена в «Апологии» (29d) и отмечена как неизбежная в «Лахете» (187e–188a), но в большей степени эксплицитно и эпистемологически сформулирована в «Государстве» (VII 522e–25b)⁴. Это наглядно иллюстрируется во множестве диалогов разнообразными тактиками, которые Сократ использует для вовлечения (или возвращения) собеседников в диалог. Особенно примечательны многочисленные попытки Сократа, в конечном счёте успешные, вовлечь Феодора в главное собеседование «Теэтета» (161a–162c, 165a–e, 168c–169c); «божественные материи», которые отвлекают Менона от его эристического рассуждения (*Meno* 81a); привлечение к диалогу Калликла при помощи лести (*Gorgias* 486d–488a), как и обхаживание Сократом иных участников (*Protagoras* 348).

Вместе с тем сообщение диалогов делается сложным и непрямым вследствие их двойственной природы, мифологической и логической, как разом повествований и рассуждений. В конечном счёте это истории, которые Платон рассказывает, или пьесы, которые он разыгрывает, с использованием персонажей, декораций, сюжетов, а также исторических и литературных аллюзий; но в сердце каждой истории — беседа об идеях, которые сам Платон явно считает важными. Мы хотим знать, каковы его мысли об этих идеях, но диалоги выходят за рамки дихотомии $\mu\theta\omicron\varsigma/\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$, предоставляя нам (разумно предположить, что Платон добивался именно этого) лучше самим о них поразмыслить, чем получать готовый непререкаемый ответ. Благодаря историческим персонажам, местам и событиям диалогам сообщается эффект правдоподобия, но делается это ради философских целей, не ради исторической истины, с точки зрения которой они ненадёжны.

---

⁴ О важности провокации см. Byrd 2007. Берд переводит $\lambda\alpha\rho\alpha\kappa\alpha\lambda\omicron\upsilon\upsilon\tau\alpha$ как ‘summoners’, мне же более насыщенным и удачным соответствием представляется ‘provocations’, ср. Press 2012.

С учётом всего этого диалоги совсем не похожи на какие-нибудь тёмные трактаты или труды, но, скорее, предстают иной, необычной и сложной формой философского текста, *объединяющей* в себе то, что всего чаще принимают за дуализмы. Это значит, что литературный и драматический компоненты суть неотъемлемые части того, что для Платона составляет «философию» — которой, таким образом, *разом* присущи и литературные, и логические черты. Об этом свидетельствует уже сам дескриптор «диалогический»⁵. Диалоги диалогичны в нескольких смыслах. В большинстве их Сократ вступает в диалог — скорее чем выступить с изложением той или иной точки зрения с позиций авторитета — с целым строем самых разных собеседников с детально выписанной индивидуальностью, чьи собственные установки — интеллектуальные и жизненные — отчасти определяют не только то, что именно проговаривается по ходу беседы, но и смыслы, которые предоставляются в распоряжение читателям. Главным образом внимание толкователей всегда привлекали именно рассуждения, но наряду с диалектическими пассажами в диалогах содержится много такого, что не так-то просто даётся обычным разновидностям философского анализа и интерпретации: лекции (*Timaeus* 27c–92c, *Protagoras* 320c–328d), псевдодиалектика с участием «уступчивых» собеседников («Парменид», «Софист», «Политик»), перекрёстный допрос Сократа Городом и Законами (*Crito* 50a–54d), долгие допросы с пристрастием самого себя (*Hippias Maior* 286c–304a, *Gorgias* 506c–524a), вступления столь же продолжительные или даже длиннее собственно диалектических отрезков (*Laches* 178a–190c), а также ряд диалогов, где опровергаются как бы «сократовские» или платоновские учения. Сказанное в «Государстве» о справедливости, «делающей своё дело» (IV 443b: τὰ αὐτοῦ πράττει), дважды опровергается в «Хармиде» (161b–163b), «добродетель есть знание» пространно опровергается в «Меноне» (89c–96d), теория идей подвергается по множе-

---

⁵ Отметим первостепенную важность бахтинских понятий диалогизма, полифонии и гетероглоссии. См. Bakhtin 1981.

ству оснований критике в «Пармениде» (130b–135b). А ещё встречаются речи (*Phaedrus* 230e–234c, *Menexenus* 237d–249c), молитвы (*Phaedrus* 279bc), многочисленные мифы, эсхатологии (*Respublica* X 614b–621b, *Phaedo* 109a–115a, *Gorgias* 523a–526d), а также списки перевоплощений — и всё это не может не расстраивать догматических толкователей.

Но все эти недialeктические вкрапления, вместе с литературными и драматическими компонентами, оказываются не столь проблематичны, если увидеть в них элементы некоторого ещё более насыщенного и разнообразного набора стратегий, используемых для подведения аудитории к внутренней переориентации, а не препятствия для усвоения какого-то пропозиционального учения (Bussanich 2006: 200, 203). Диалоги (а с ними и вся платоновская философия) попросту не являются ни догматическими, ни скептическими, и точка. В них выдвигаются пропозиции, чья истинность, однако, не утверждается, приводятся доводы, чья обоснованность не доказывается, — вместо этого в них, как в драмах, такого рода суждения остаются подвешенными. Многие доводы, если их тщательно проанализировать, оказываются логически несостоятельны. Все доводы в пользу и против бессмертия души в «Федоне» логически порочны. На логическом уровне конкретных ответов на обсуждаемые вопросы диалоги остаются «незакрытыми», то есть отрицают, что на заданный вопрос был получен окончательный ответ, — но при этом не отрицают, как сделал бы скептик, что ответ может быть найден. Напротив, Сократ обычно всеми силами старается доказать, что ответы *могут* быть найдены — если мы будем достаточно настойчивы, критичны, рациональны и скромны. Так, в конце «Евтифрона» остаётся логически неясным, что же такое благочестие, но в драматическом плане нам совершенно ясно, что Сократ и Платон считают Евтифрона невежественным и неблагочестивым. Было метко подмечено, что диалоги, обладая литературной завершённостью, остаются незакрыты в интеллектуальном плане (Tejera 1984: 6).

Вот почему Платона, написавшего эти диалоги, не следует воспринимать как учителя философии в обычном смысле наставника или авторитета, но, скорее, в смысле того, кто ведёт⁶ своих читателей, предполагая, что диалоги должны служить поводом либо стимулом для особого рода обучения. Это платоновское *наведение* отличается от функции «учителя» в обычном смысле кого-то, кто передаёт ученику пропозициональное знание, которого у того прежде не было и которое может быть успешно таким способом сообщено. Исторические факты, подоплёка технических терминов и имён собственных, научные законы и математические уравнения — всё это может быть сообщено для механического запоминания, но это *не* те предметы, которые интересуют Платона или его Сократа. Им интересна παιδεία (Jaeger 1945: xiii–xxix), а не διδασκαλία. Проводник не подносит человеку какую-либо пропозициональную истину, а подводит ведомого к самостоятельному усмотрению. Такое наведение обеспечивается в диалогах одновременно аргументацией и драматургией, сочетанием доводов, эмотивным и воображаемым отождествлением со сложным персонажем платоновского Сократа, а также эмоциональным дистанцированием либо нерасположенностью к характерам, установкам и убеждениям тех собеседников, с которыми Сократ, как показывается, вступает в конфронтацию и диалог; тем самым задействуются все три метода убеждения, которые выделяет в своей «Риторике» (I.2 1356a) Аристотель: ἔθος, λάθος и λόγος. И ещё наведение сказывается, конечно, в чистом наслаждении неисчерпаемыми, как кажется, богатством и сложностью читаемых и перечитываемых диалогов, как и в их способности подсказывать всё новые отклики и смыслы.

Цель платоновского наведения и его диалогов, как уже отмечено, сводится к внутреннему признанию истины или предпочтительности общих принципов и ценностей, в том числе и ценно-

---

⁶ Ср. юношу, ведомого проводником (ἡγοούμενος) вверх по лестнице любовью в *Strp.* 210a–211d. Неавторитарный характер платоновского философского труда подчёркивают Sedley 1997 и Karamanolis 2006.

сти оставить даже самое достоверное воззрение «незакрытым», то есть всегда открытым для переосмысления и пересмотра, если оно окажется недостаточным или другое воззрение окажется предпочтительней.

Принципы, в которых Платон и его Сократ, кажется, больше всего уверены — взгляды, выражаемые в диалогах с достаточной частотой и последовательностью, — обычно носят более общий характер в сравнении с конкретными определениями и точными теориями, которые современные философы ищут и с разочарованием не находят в диалогах. Они, кажется, уверены в том, что каждый человек всегда стремится быть счастливым: но в этом Платон ничем не отличается от Аристотеля, эллинистических философов, Плотина или Августина. Для них несомненно, что душа существует, что она важнее тела, что мы должны больше заботиться о душе, чем о теле, и что забота о ней предполагает рациональное приобретение знания. Однако они не столь уверены в отношении того, что же такое душа конкретно, или какой конкретно метод приобретения знания верный. Они, по-видимому, не сомневаются в истинности теории идей или чего-то вроде этого (потому что иначе мы не могли бы ни мыслить, ни говорить), но не дают ясного ответа на то, как конкретно это работает. Они не сомневаются в том, что налицо различие между знанием и мнением, что первое предпочтительней последнего и должно быть стабильно истинным; но никакого конкретного ответа на вопрос, что же такое знание, нам не даётся. Они не сомневаются в том, что добродетели существуют, но не придерживаются никакой конкретной позиции по вопросу их точного определения или хотя бы количества — одна добродетель либо их много. На самом деле, они, кажется, не сомневаются в том, что человеку лучше — как в эпистемологическом, так и в моральном плане, — если он будет *не* уверен в каком-либо точном ответе и *всегда* склонен подвергнуть их точку зрения критической проверке.

Будь Платон действительно каким-то догматическим учителем философии, всё это создало бы серьёзные проблемы и мы

вправе были бы задаться вопросом: а не оказался ли его подход провальным? Но поскольку из последующей истории западной философии ясно, что Платон числится среди величайших успехов, нам приходится заключить — путём своего рода парадоксального *modus tollens*, — что он философ совсем иного пошиба.

Перевод с англ. Алексея Гараджи.

Bibliography

- Bakhtin 1981 — *Bakhtin, Mikhail*. The Dialogic Imagination: Four Essays / Trans. Emerson and Holquist. Austin and London, 1981. [Partial translation of: *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.]
- Beverluis 2000 — *Beverluis, John*. Cross Examining Socrates: A Defense of Interlocutors in Plato's Early Dialogues, Cambridge, 2000.
- Boys-Stones 2013 — The Platonic Art of Philosophy / Ed. G. Boys-Stones et al. Cambridge, 2013.
- Burger 1984 — *Burger, Ronna*. The Phaedo: A Platonic Labyrinth. New Haven: Yale University Press, 1984.
- Bussanich 2006 — *Bussanich, John*. Socrates and Religious Experience // The Blackwell Companion to Socrates / Ed. Ahbel-Rappe, Sara and Rachana Kamtekar. Malden, 2006. P. 200–213.
- Byrd 2007 — *Byrd, Miriam*. The Summoner Approach: A New Method of Plato Interpretation // Journal of the History of Philosophy 45 (2007). P. 365–81.
- Dillon 2003 — *Dillon, John*. The Heirs of Plato: A Study of the Old Academy. Oxford, 2003.
- Dixsaut 2013 — *Dixsaut, Monique*. Macrology and Digression // The Platonic Art of Philosophy / Ed. G. Boys-Stones et al. Cambridge, 2013. P. 10–26.
- Gilead 1994 — *Gilead A.* The Platonic Odyssey: A Philosophical-Literary Inquiry into the *Phaedo*. Amsterdam, 1994.
- Haden 1997 — *Haden, James*. On the *Hippias Minor*: Achilles, Odysseus, Socrates // Plato's Dialogues — The Dialogical Approach / Ed. Richard Hart and Victorino Tejera. Lewiston, 1997. P. 143–68.

- Hunter 2006 — *Hunter, Richard*. Plato's *Symposium* and the Traditions of Ancient Fiction // *Plato's Symposium* / Ed. James H. Lesher, Debra Nails, and Frisbee Sheffield. Harvard Univ. Press, 2006. P. 295–312.
- Jaeger 1945 — *Jaeger, Werner*. Paideia: the Ideals of Greek Culture. 2nd edition / Tr. by Gilbert Highet. Vol. I. New York, 1945.
- Kahn 1983 — *Kahn, Charles*. Drama and Dialectic in Plato's Gorgias // *Oxford Studies in Ancient Philosophy* 1 (1983). P. 75–121.
- Karamanolis 2006 — *Karamanolis, George E*. Plato and Aristotle in Agreement? Platonists on Aristotle from Antiochus to Porphyry. Oxford, 2006.
- Loraux 1985 — *Loraux, Nicole*. Socrate, Platon, Heracles: Sur un paradigme heroique du philosophie // *Histoire et Structure. A la Memoire de Victor Goldschmidt* / Ed. Brunshwig et al. Paris, 1985. P. 93–106.
- McDonald 2012 — *McDonald, William*. Søren Kierkegaard // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2014 edition) / Ed. Edward N. Zalta.
- Mulhern 1969 — *Mulhern, John J*. Treatises, Dialogues, and Interpretation // *Monist* 53 (1969). P. 631–641.
- Mulhern 1971 — *Mulhern, John J*. Two Interpretive Fallacies // *Systematics* 9 (1971). P. 168–172.
- Nails 1995 — *Nails, Debra*. Agora, Academy, and the Conduct of Philosophy. Dordrecht, 1995.
- Nails 2002 — *Nails, Debra*. The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis, 2002.
- Nightingale 1995 — *Nightingale, Andrea*. Genres in Dialogue: Plato and the Construct of Philosophy. Cambridge, 1995.
- Ostenfeld 2000 — *Ostenfeld, Erik*. Who Speaks for Plato? Everyone! // *Who Speaks for Plato? Studies in Platonic Anonymity* / Ed. Gerald A. Press. Lanham, 2000. P. 211–220.
- Pender 2000 — *Pender, Elizabeth E*. Images of Persons Unseen: Plato's Metaphors for the Gods and the Soul. Sankt Augustin, 2000.
- Peterson 2011 — *Peterson, Sandra*. Socrates and Philosophy in the Dialogues of Plato. Cambridge, 2011.
- Petraki 2011 — *Petraki, Zacharoula*. The Poetics of Philosophical Language. Berlin, 2011.
- Poster 1998 — *Poster, Carol*. The idea(s) of order // *Phoenix* 53 (1998). P. 282–298.
- Press 2012 — *Press, Gerald A*. Early, Middle, and Late Platonic Provocation: Comments on Miriam Byrd's "When the Middle Comes Early" // *Proceedings of the Boston Area Colloquium in Ancient Philosophy* 28 (2012). P. 210–216.

- Press 1993 — Plato's Dialogues: New Studies and Interpretations / Ed. Gerald A. Press. Savage, 1993.
- Press 2000 — Who Speaks for Plato? Studies in Platonic Anonymity / Ed. Gerald A. Press. Lanham, 2000.
- Renaud 2001 — *Renaud, François*. La rhétorique socratique-platonicienne dans le *Gorgias* (447a–61b) // *Philosophie Antique* 1 (2001). P. 65–86.
- Scott 2000 — *Scott, Gary Alan*. Plato's Socrates as Educator. Albany, 2000.
- Scott 2007 — Philosophy in Dialogue: Plato's Many Devices / Ed. Gary Alan Scott. Evanston, 2007.
- Sedley 1997 — *Sedley, David*. Plato's Auctoritas and the Rebirth of the Commentary Tradition // *Philosophia Togata II: Plato and Aristotle* / Ed. Barnes and Griffin. Oxford, 1997. P. 110–129.
- Tarrant 2000 — *Tarrant, Harold*. Plato's First Interpreters, London, 2000.
- Tejera 1984 — *Tejera, Victorino*. Plato's Dialogues One by One. A Structural Interpretation. New York, 1984.
- Thesleff 1982 — *Thesleff, Holger*. Studies in Platonic Chronology. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1982.
- Thesleff 1999 — *Thesleff, Holger*. Studies in Plato's Two-Level Model. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1999.
- Tigerstedt 1974 — *Tigerstedt E.N.* The Decline and Fall of the Neoplatonic Interpretation of Plato. Helsinki, 1974.
- Tigerstedt 1977 — *Tigerstedt E.N.* Interpreting Plato. Stockholm, 1977.
- Wardy 1996 — *Wardy, Robert*. The Birth of Rhetoric: Gorgias, Plato, and their Successors. New York, 1996.
- Zuckert 2009 — *Zuckert, Catherine*. Plato's Philosophers: The Coherence of the Dialogues. Chicago, 2009.